

талия от франц. *taille* «рост, фигура, талия» [Фасмер: 4: 15; 117] и возможностью каждого из них выражать сему «плотно прилегать к чему-либо (обрисовывая контуры тела)».

Материалы «Словаря областного вологодского наречия» П. А. Дилакторского позволяют исследовать морфемную систему вологодских говоров не только в структурно-семантическом, но и в **территориальном** аспектах. Заголовочные слова и иллюстрации данного словаря демонстрируют регулярные изменения структуры различных морфов, свойственные говорам вологодской группы: *исъ, истъ* 'есть' [Дил.: 184], *цѣрной* 'черный' [Дил.: 547], *мякки, мяккие* 'лепешки из смеси ржаной и яичной муки' [Дил.: 266] и др. Интересно также изучение территориальных особенностей образования слов общерусских словообразовательных типов: *жсравика, жсравиха, жсравица жсравлика, жсравлиха, жсаровика, жсаровиха, журавика, журавиха, журавлика, журавлиха* 'клюква' [Дил.: 128]. Материалы «Словаря областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении» могут быть использованы также для описания морфемной системы более частных диалектных объединений, входящих в состав говоров вологодской группы северного наречия. В этом отношении выгодно представлена лексика бывшего Кадниковского уезда – родины П. А. Дилакторского. Это центральная часть Вологодской области, ныне входящая в состав пяти административных подразделений Вологодской области. Сопоставление наблюдений П. А. Дилакторского и данных СВГ могут дать информацию о динамике лексического состава этих говоров и о специфике их морфемной системы.

б) *Выводы и перспективы исследования.* Описание русского диалектного языка на морфемном уровне предполагает привлечение самых разнообразных источников лексического материала. Традиционно среди этих источников преобладают дифференциальные региональные словари, к числу которых в большой мере относится и «Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении» П. А. Дилакторского. Материалы таких словарей дают информацию для самых разнообразных морфемологических исследований: описательных и сопоставительных, территориальных и структурно-семантических, синхронических и диахронических. Вместе с тем специфика словарей подобного типа во многом определяет направление анализа, в первую очередь обращая внимание на те явления, которые представлены в морфемной структуре диалектных слов. Поэтому описание морфемики вологодских говоров и – в перспективе – создание диалектного словаря строения слов предполагает активное сочетание анализа лексикографических источников с недифференцированным изучением структуры слов в ходе полевых диалектологических исследований [3].

Источники

Дил. – Словарь областного вологодского наречия: по рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. – СПб.: Наука, 2006. – 677 с.

СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1-12. – Вологда, 1983-2006.

Ф – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.: Т. 1-4. – М., 1986-1987.

Литература

1. Шаброва Е. Н. П. А. Дилакторский и его словарь // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. – Вологда, 2000. – С. 592-598.

2. Аванесов Р. И. О двух аспектах предмета диалектологии // Общеславянский лингвистический атлас (материалы и исследования). – М., 1965. – С. 26-42.

3. Шаброва Е. Н. Морфемика русских говоров. – Вологда, 2006. – С. 100-102.

Примечания

¹Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых докторов наук (проект МД-256. 2007.6).

Шавхелишвили Б. А.

АСПЕКТ И ЧИСЛО В ГЛАГОЛЕ ЦОВА-ТУШИНСКОГО (БАЦБИЙСКОГО) ЯЗЫКА

В научной литературе категория аспекта в глаголах нахских языков в определенной степени исследована, в особенности в вейнахских языках (Н. Яковлев, Ю. Дешериев, С. Мовтаев, Р. Гагуа, К. Чрелашвили и др.).

Согласно исследованиям уважаемых коллег, основным критерием его образования в цова-тушинском языке указана внутренняя флексия основы глагола и наличие супплетивных форм; выделены глагольные пары, где аспект выражен основами одноразового и многократного действия, т.е. в двух измерениях, напр.: хьачӀар (увидеть) – хьечӀар (смотреть), или альар (сказать) – левар (говорить) и др.

На сегодняшний день, в основном, это так и есть. Однако, если собрать сохранившиеся до нашего времени лингвистические данные и на уровне диахронии проанализировать их, сопоставив с данными нынешними, предстанет совершенно другая картина.

Общеизвестно, что суть категории аспекта состоит в том, что язык создает глагольные формы, где отчетливо выражено семантическое расчленение действия в зависимости от его кратности измерения, т.е. в глаголе отражено действие, сосредоточенное вокруг одного факта в одном месте и в один момент, либо отражено множество идентичных актов, связанных между собой некой последовательностью и пермонентным повторением действия во времени и пространстве. На первый взгляд этот вопрос для многих языков, в определенной степени, представляет собой универсалию и особых расхождений в образовании данной категории нет, т. к. они сводятся в основном к аффиксально-лексическим критериям. Однако это не так, ибо на лингвистическом материале кавказских, а в нашем случае – нахских языков, можно проследить процессы становления данной категории и ее трансформации.

Думаем, что исторически этот процесс мог оформляться с помощью различных грамматических маркеров. Лингвистический материал цова-тушинского языка дает возможность предположить, что эти маркеры исторически не были идентичными и выражали не две кратности измерения действия глагола, а три: одноразовое действие, действие более одного раза и бесконечное действие. На уровне диахронии эти функции в разное время выполняли различные грамматические показатели. Нам удалось выделить некоторые из них, создающих определенную логическую цепь в трансформации языка и отражающих эти процессы в виде нескольких этапов:

1. этап – выражение кратности действия посредством (назовем их условно) деиктических знаков; в настоящее время этот процесс известен как внутренняя флексия основы, напр.: отга (остановиться – однажды) – латта (стоять много раз) – этта (стоять бесконечно) или кхоса (бросить) – кхаса (бросать) – кхебса (бросать

бесконечно); в обоих примерах отмечено изменение гласного основы (о – а – е). Таких примеров не так много. Мы предполагаем, что каждая гласная основы глагола была маркирована, более того, в каждой из них априоре была вложена информация о кратности действия глагола, т.е. действие происходит единожды, когда в основе глагола, допустим, гласный – о-, много раз – а-, последующая же кратность действия выражалась через – е-, и все они – по нашему глубокому убеждению, не что иное как деиктические знаки. Самое интересное то, что деиксис наделяет эти глаголы семантикой кратности действия в синхронии с действием в пространстве и во времени, ср., отта – «стоять в одном месте и один раз», т. к. «стоять в разных местах по одному разу» выражается уже удвоением основы – отт-отта, ср.:

Эсе цо веце отта – сахипат да – «Здесь не надо стоять (один раз) – это опасно», но:

Се дад лоум вотлуш отт-оттер наждрах – интлерсбалар мохь гагдор мемцхорив же – «Мой отец остановился (по одному разу, в разных местах) в стойбищах (овец) – интересовался как ухаживали чабаны за овцами».

Тот же пример с основами *латт-латта и *этт-этта в речи уже не употребляются, хотя вполне возможно, что исторически они, должно быть, активно использовались.

Такие примеры в данном языке, естественно, единичны, т. к., как уже отмечалось, на сей день язык сохранил примеры, отражающие действие глагола в основном только в двукратном итеративе; причина тому есть, и мы попытаемся в ней разобраться.

2. этап – когда к внутренней флексии основы добавляется классный показатель, который придает глаголу значение бесконечности, напр.: дожа (упасть) – де-б-жа (падать более одного раза) – *де-в-жа (падать – много раз и бесконечно), тилла (назвать) – те-б-ла (называть – много раз и бесконечно), кхоса (бросить) – кхе-б-са (бросать – много раз и бесконечно), диша (лечь) – ди-п-ша*ди-б-ша (ложиться – много раз и бесконечно), чуха\ха\ха\ха (сесть) – хе-б-жа (садиться много раз и бесконечно), оцла (надоить) – э-б-цла (доить – много раз и бесконечно), тоха (ударить) – те-п-ха*те-б-ха (ударять, бить) и т. д. В настоящее время выделенные нами классные показатели предстают в окаменевшем виде и, надо думать, что именно на этом этапе развития языка гласный основы потерял связь с деиктическим феноменом.

3. этап – когда флексия основы и классные показатели не достаточны для маркирования грамматической формы аспекта, и для этой цели используются лексические единицы; надо заметить, что здесь выделяется итератив двух видов:

1. выражение интенсивности, напр.: тоха (ударить) – те-п-ха*те-б-ха (ударять) – тепх-ача (ударять бесконечно), датла(бежать) – итла(бегать) – итл-кхитла(бегать до бесконечности) и т. д.;

2. выражение атенуативности, напр., даха (пойти) – иха (ходить) – их-лела (похаживать), лаха (найти) – леха (искать) – лех-хьчла (искать перманентно), малья (выпить) – мелья (пить) – мель-кхелья (выпивать перманентно) и т.д.

Таких примеров много и в чеченском языке, с тем различием, что нет форм со значением атенуативности, ср.: га (увидеть) – хьнежа (смотреть) – га-хьнежа (посматривать и смотреть до бесконечности), туоха (ударить) – йетта (бить) – туох-аача (бить до бесконечности), даха (пойти) – лела (ходить) – лел-иха – (хаживать и ходить до бесконечности) и т.д.

4. этап – формы аспекта образуются посредством вспомогательного глагола *д-а* – «есть»; в данном случае вновь образованные глаголы наделены семантикой действия со значением бесконечности, напр. : олла (повесить) – эбла (вешать) – эбла-да (вешать до бесконечности), допха (одеть) – депха (одевать) – депха-да (одевать бесконечно) и др.

Указанные аспектные формы не надо путать с формами каузатива, ибо последние также образуются посредством того же вспомогательного глагола, сравним:

а. эбла (инф.) + да --- эбла-да (повесить много раз) – асп. форма

б. эбла (инф.) + да --- эбл – да (повесить) – кауз. форма

примеры в предложениях :

Ис сакм ма эбл-а-й-ол сох (это дело не вешай на меня – постоянно) – аспект (эбл-а-й-ол, й – кл. афф.);

Ас ис сакм хьох эбл-й-ос (я это дело вешаю на тебя) – каузатив (й – кл. афф.);

разница между эбл-а-да и эбл-да в гласном *-а-*, который и выражает многообразие действия.

В связи с этим особенно интересными нам видятся формы аспекта, оформленные аффиксом потенциалиса, при образовании которых новые глагольные формы не приобретают, а теряют значение множественности и бесконечности, напр.: *дела* означает «смеяться многократно и без конца», однако если данное слово оформить суффиксом потенциалиса *-доли*, его семантика уже выражает одноразовое действие, т. е. *деладоли* означает «засмеяться», а не «смеяться», напр.: Даден шари кнат донемак тагуш левагин ме ваги, велаволи – уйш хIамбадали – «Отец, когда увидел своего сына, уверенно сидящем на коне, улыбнулся (на мгновение) – так ему стало приятно»

Ослабление интенсивности кратности действия глагола может быть вызвано присоединением приставки, ср.: малья (пить) – *хьал*малья (выпить один раз), мелья (пить, выпивать) – *хьал*мелья (выпивать по разу); эккха (прыгнуть) – *хьал*эккха (подпрыгнуть) и т. д.

5. этап – появление супплетивных форм; необходимо особо отметить, что исторически каждая из супплетивных форм, по-видимому, имела свою собственную пару, которая или унифицировалась, или позже была наделена какой-либо другой функцией глагола. Надо заметить, что соединение лексем в каждой вновь образованной паре также было обусловлено определенным семантическим единением, ср.: кхалла (съесть) – дакья (кушать), дахар (пойти) – лела (ходить), длога (разбить) – кьега (разбивать), догла (связать) – хотгла (связывать) и т. д., напр.: *Кхаллал* ис бакал, бакли дита цо дайц гIазе... – «Съешь, пожалуйста, этот кусок, куски оставлять ведь нехорошо..» но: Ицхумпльеч хане мекх *й-акьи*, маграм маинц маци дисе – «Столько времени (еду) кушали, но все равно остались голодные».

Перечисленные выше формы образования глагольной категории аспекта отражают характерные языку разные этапы его становления. Мы предполагаем, что на уровне диахронии каждый глагол обладал функцией кратности действия и грамматически выражался в трех измерениях: действие единичное во времени и пространстве (которое включало и моментальное действие), действие более одного раза и permanently повторяющееся (с эффектом интенсивности и атенуативности) и действие, длящееся и повторяющееся до бесконечности. В подтверждение тому служат примеры и из вейнахских языков, ср.: чеч. дуожа (упасть) – *довжа – (падать) – дийжа (падать бесконца), даала (закончить) – довла (заканчивать) – дийла (заканчивать бесконца), хьажа (посмотреть) – хьиежа (смотреть) – хьиижа (смотреть бесконца) и т. д.

Давайте проследим, насколько в данных парах отражен момент начала (становления) действия и сопряжен ли он с пространством и временем?.. На первом этапе деиксис отражает действие, которое происходит – 1. один раз и в один момент (отта), 2. много раз и в разное время (латта) и 3. бесконечное множество раз (этта); в остальных четырех случаях этот же принцип сохранен, за исключением третьего этапа, когда, наряду с кратностью действия, в глаголе присутствует семантика интенсивности (тепх-ача – досл. ударять и растирать), атенуативности (лех – хьеч1а – досл. искать и смотреть) и мгновенности (кхалла – съест, хьалкхалла – съест мгновенно), что особенно интересно, т. к. наглядно показано, как язык в процессе трансформации сам пытается увеличить спектр грамматических форм, используя разные грамматические приемы.

В процессе исследования данного вопроса мы неоднократно пытались сосредоточить внимание читателя на «действие глагола во времени и пространстве», тем самым указывая на нахождение действия либо в одном месте и в одной временной протяженности, либо на его дистрибуционные варианты. Нахские глаголы в сочетании с наречиями могут выражать действия, физически отличающиеся друг от друга и поддающиеся определенному счету, напр., глагол д-аъа »идти» может выражать аспект лексически, ср.: к1нат каст1лаш в-аг1 (мальчик быстро идет), заметим.: именно мальчик (кл. в-) и именно в этот момент идет быстро; замена числа к1нат на к1нати (мальчики) влечет изменение класса глагола, но не замену самой ситуации, ср.: к1нати каст1лаш б-аг1 (мальчики быстро идут). Однако если мы заменим каст1лаш на г1елиш (медленно), то ситуация с точки зрения аспекта не однозначна, ибо сочетания каст1лаш в-аг1(б, д, й) и г1елиш в-аг1 передают семантически разные значения действия в пространстве и во времени.

Общеизвестно, что с точки зрения изначального становления, глагольная категория аспекта опережает категорию числа глагола. Именно поэтому, нам видится вполне логичным наделяние какой-либо глагольной формы аспекта новой функцией, в данном случае – функцией множественности, т. е. числа. Этот процесс, естественно, не проходил однозначно. Надо думать, в этом и кроется основная причина демаркации деиктических знаков и, впоследствии, полное расщипление некогда стройной и более сложной системы категории аспекта глагола.

Надо заметить, что в настоящее время в языке есть такие глагольные формы, которые вообще не имеют маркеров аспекта и множественности, т. е. в глаголе не выражены кратность и число ни семантически, ни морфологически, это: теша (доверять), дест1а (опухать), дущ1а (наполнить), кхета (встретить), ача (долбить) и т. д., напр.:

Мезобла аг **кхети** сох – дачо джарбалаш йот1ур, вухк1 хильнол?.. – «Соседскую бабушку встретила я – шла и все ругалась, что же произошло?»

Мезобла аг б1а **кхетер** сох – инц яви, шар бадрив тур йик1е шарци – «Соседскую бабушку все время встречала я – сейчас пропала, видно дети забрали ее к себе»

Такое «многоликое» выражение разных грамматических форм, часто – одними и теми же маркерами, являет собой пример того, как на данном этапе развития языка, цова-тушинский пытается создать новую систему, которая даст возможность грамматически различить между собой глагольные категории аспекта и числа, отводя каждой из них свое надлежащее место в грамматике; вот несколько примеров:

число: хаба (сесть) – хабжа (сажать многих), напр.: Вух тегод ицхус?.. – шаро хае, тури хьаши хабджие.. – «Что он делает?.. – сам сел, вместо того, чтобы гостей сажать..»

аспект: хеа (садить несколько раз) – хебжа (сажать – многих и бесконечно много раз), напр.: Уйсах сакмуц1и хьеъ – цо тоуг админех, кхения ишт1 хебжаре, маграм цховрбех цо кхае.. – «То там, то здесь без дела просиживать – не украшает человека, другие тоже так сиживали, однако жизнь мимо прошла..»

хьач1а (посмотреть) – хьапса (смотреть многих), (число)

но: хьеч1а (видеть несколько раз) – хьепса (видеть – многих и бесконечно много раз); (аспект)

Данные примеры на одних и тех же глаголах показывают наличие грамматического маркера каждой категории (аспекта и числа) в отдельности; их в цова-тушинском (бацбийском), естественно, не так много, ибо мы полагаем, что процесс становления новых глагольных форм множественного числа произошел совсем недавно и по аналогии уже с существующими формами аспекта и на их основе. Подтверждением того, что этот процесс еще не завершен, служат грамматические единицы, имеющие обе функции аспекта и кратности одновременно, например:

дожа (упасть) – дебжа (падать – одного, многих и много раз), кхоса (бросить) – кхепса (бросать – одного, многих и много раз), оц1а (тянуть, доить) – еп1ц1а (потягивать, доить – одного, многих и много раз) и т. д., напр.:

Къовел дени, э кьейнч пстуйнчов, йетг еп1ц1ос... хьа вух дос – цомена дейц сого оц1уйн... – «Каждый день, я – эта старая женщина, дою (много раз и бесконца) корову... что мне делать – ведь никого нет, кто бы подоил..» (из беседы с респондентом).

В основном же в языке встречаются такие глагольные формы, которые грамматически различают аспект и число, хотя полной грани между ними еще нет, это глаголы типа: лалла (выгнать) – лахка (выгонять многих) – лехка (гонять многих и бесконца), кхоса (бросить) – кхаса (бросать многих) – кхепса (бросать многих и много раз) и т. д., напр.: Ис нахи пхьу дахьлаллинес, ларъ кхени пхьарч кхасдали со – кхе ибси лехк1рас – «Я эту чужую собаку выгнала, смотрю другие собаки набегали – потом их гоняла» (из диалога с респондентом).

Это еще одно свидетельство тому, что процесс расщипления категорий аспекта и становления категории числа глагола все еще продолжается. Именно на данном этапе своего развития, цова-тушинский (бацбийский) язык пытается произвести грамматическое оформление этих категорий, если успеет, конечно, ибо на сегодняшний день им владеет каких-то 20-30% населения...

Еще один вопрос, который непосредственно связан с глагольной категорией аспекта – это категория времени. Дело в том, что в цова-тушинском языке кратные глаголы наделены функцией временной дистрибуции, где корреляция фонетических перегласовок основ в соответствии с аспектом полностью сохранена, таковы например:

лакха (играть – инф.) – лакхи (сыграл – аорист) – лакхир (сыграл – прош. вр.) – лейкхнор (оказывается сыграл – давно прош. вр.); лаца (поймать – инф.) – лаци (поймал аорист) – лацир (прош. вр.) – лейцнор (оказывается поймал – давно прош. вр.),

те же глаголы в форме итератива: лекха (играть мн. раз – инф.) – лекхи (играл мн. раз – аорист) – лекхир (играл мн. раз – прош. вр.), лиххнор (оказывается играл мн. раз – давно прош. вр.); леца (ловить мн. раз – инф.) – леци (ловил мн. раз – аорист) – лецир (ловил мн. раз – прош. вр.) – лицнор (оказывается ловил мн. раз – давно прош. вр.).

Подвергая анализу рассмотренный нами лингвистический материал еще раз убеждаешься, что в цова-тушинском языке категория аспекта исторически выражалась в трех измерениях и была характерна всем временным формам, а впоследствии, в процессе трансформации языка, сама явилась базой для становления новой грамматической категории глагола – категории числа.

Шамаева Ю. Ю.

ЭССЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА РАДОСТЬ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Ц е л ь ю данной статьи является выявление и лингвокультурологическая интерпретация эссенциальных признаков понятийной составляющей концепта РАДОСТЬ (КР), объективированного в английском языке (американский вариант).

Достижение данной цели предполагает выполнение следующих з а д а ч: определение теоретико-методологической основы изучения эссенциальных признаков эмоциональных концептов (ЭК), к которым относится исследуемый КР; установление эссенциальных признаков КР; выявление аксиологической компоненты, воплощенной в эссенциальных характеристиках КР, реализованного средствами естественного языка в американской лингвокультуре.

В современной когнитивной лингвокультурологической парадигме выделяют человеческое сознание, определяемое как конструирующая реальность, специфическая потенция функционирующего мозга, и этническое сознание, которое, обладая всеми характеристиками человеческого сознания, ограничивает его функционирование интраэтнической средой, отражая в языковом сознании лишь собственно этнические признаки лингвокультурной общности [1, 3]. С этой точкой зрения коррелирует предположение М. Фуко о том, что «основополагающие коды любой культуры, управляющие ее языком, ее схемами восприятия, ее обменами, ее формами выражения и воспроизведения, ее ценностями, иерархией ее практик, сразу же определяют для каждого человека эмпирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых будет ориентироваться» [10, с. 33].

В этой связи проблема изучения ЭК, в частности, лингвокультурного КР, в совокупности их признаков, представляется весьма а к т у а л ь н о й по нескольким причинам. С одной стороны, способы вербализации ЭК, интегрирующих психологическое, лингвокогнитивное, культурное, выступают своего рода эмпирическим порядком, образующим непосредственную этноэкологию языковой личности, изучение которой в последнее время приобрело статус одного из наиболее приоритетных направлений современного отечественного и зарубежного языкознания (Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, Ю. С. Степанов, В. И. Шаховский, Н. Н. Болдырев, В. И. Карасик, С. Г. Воркачев, В. А. Маслова, В. М. Русановский, А. Damasio, M. Gizman, G. Lakoff, Z. Kovacs, A. Wierzbicka и др.). Еще Ш. Балли призывал к поиску «под средствами экстерииоризации языка соответствующих средств интериоризации» [2, с. 74]. С современной когнитивной точки зрения Е. С. Кубрякова подчеркивает, что «вербализованные концепты делают возможным что то, что уже не структурируется (и не должно структурироваться!) в сознании человека (например, эмоции), структурируется в языке, где разные формы вербализации исходной концептуальной структуры дают основания судить об ...отдельных конституентах самой этой структуры» [6, с. 10].

С другой стороны, в свете междисциплинарного изучения человека как биосоциальной системы особое значение приобретают обращения именно к культурным концептам, которые зачастую принадлежат к разряду эмоциональных, и поиски ценностных доминант [4, 5, 7, 8, 12] с целью стабилизации и дальнейшей оптимизации межкультурного общения в условиях глобализации XXI века. При этом эмоциональная концептосфера находится на начальной стадии своего развития (В. И. Шаховский, А. В. Кравченко, И. А. Стернин, В. Вилонас, В. И. Кононенко и др.), что позволяет говорить о своевременности тематики данной работы. Заметим, что вопрос о средствах выявления культурно значимой специфики современного лингвоменталитета на сегодняшний день по-прежнему остается открытым (В. Н. Телия, Д. О. Добровольский, С. Г. Воркачев, Д. Ю. Полинченко и др.), обуславливая необходимость выявления аксиологической составляющей лингво-когнитивной структуры КР, в частности, его эссенциальных признаков.

В то же время актуальность и н о в и з н а нашей работы определяются исследованием концептуализации и вербализации именно радости как ввиду ее принадлежности к базовым эмоциям, так и по причине недостаточной изученности самого КР, поскольку вплоть до начала XXI века в центре внимания лингвистов